

**Влияние полиэтничности на ментальность казаков
XVI–XVIII веков**

Под менталитетом принято понимать психический склад и мировоззрение людей, входящих в ту или иную этническую целостность (или как в нашем случае межэтническую социальную общность), то есть в виде иерархии идей, воззрений, представлений о мире, оценок, вкусов, культурных канонов, способов выражения мысли и т.д. Формирование ментальности происходит в ходе этногенеза. При этом необходимо посмотреть, какие факторы повлияли на формирование своеобразной ментальности казаков Урала и Сибири, а также Юга России. Рассмотреть вопрос о сходности и различии ментальности казаков Урала и Сибири и Юга России.

Общеизвестно, что при возникновении вольных товариществ, постоянно боровшихся с воинственными соседями, казаки первоначально соблюдали обет безбрачия. Лишь позднее в их жилищах стали появляться женщины. Но славянских красавиц на степных просторах было мало, и часто казаки женились на пленницах, как правило, это были женщины тюркского происхождения. Таким образом, казачий генотип вобрал в себя и восточные черты окрестных народов, что, безусловно, отразилось на ментальности казачек, а впоследствии и казаков. Конечно, было бы сильным преувеличением говорить о подавляющем превосходстве жен именно из среды тюркских народов, все-таки основная масса казаков имела русских жен, они перебирались на окраины Русского государства из центральных районов, где наблюдался переизбыток женщин. Хотя применительно к Югу России это утверждение может быть принято с большой оговоркой (так как население Юга России с большой охотой принимало «чуждых» ему иноплемеников). Но, все-таки обращаясь к истории появления сибирских казаков, приходишь к выводу, что в первый этап заселения (колонизация) Сибири происходило при непосредственном участии коренных жителей (аборигенов). Коренные сибиряки всегда считали себя, безусловно, русскими по языку, вероисповеданию и бытовой культуре. Основное отличие чалдонов (смесь пришлых казаков и аборигенов) от «рассейских» новоселов состояло по отношению к аборигенной культуре. Для казаков-чалдонов быт и духовность коренных сибирских народов были близки и хорошо знакомы – это была культура их языческой Родины [3, с. 37]. К примеру, очень сильны были различные языческие представления, например: предохранительные меры, которые начинались еще до рождения ребенка, когда будущая мать всячески

скрывала от окружающих свою беременность и, чтобы не навредить младенцу, выполняла многочисленные запреты (не пить вино, не линать кошек, не присутствовать на похоронах и т.д.). Послед и пуповина после рождения ребенка закапывались в укромное место, чтобы никто не мог с их помощью навредить ребенку и его матери. Иногда пуповину, сохраненную матерью, клали невесте в туфель, а послед, зашитый в одежду юноши-казака, использовался как оберег при прохождении службы [1, с. 74–75]. При этом можно отметить, как наличие крестьянских представлений, так и языческих и собственно казачьих на различные жизненные ситуации, а не только преобладание крестьянского начала у сибирских казаков, как предполагает Н.И. Никитин [6, с. 3–8]. Все-таки казачий уклад жизни предполагал, несколько иную манеру поведения действий человека, нежели чем земледельца. Это характерно для казаков различных Войск, даже южных регионов (Донских, Терских и Кубанских казачьих Войск) с очень плодородной землей.

В Уральском войске считалась плохой невеста, которая не знала псалтыри и часослова и не умела читать «по-церковнославянски». Могли отказать жениху и родители девушки, если он их чем-либо не устраивал (чаще всего по причине имущественной несостоятельности, дурных привычек или неважной репутации рода). Учитывалось мнение и самой молодежи. Девушки-казачки старались «соблюдать» до свадьбы целомудрие – женихи предпочитали «нетрунутых» невест. Однако чаще утратившие «невинности» казачьи дочери старались хранить это в тайне и потом благополучно выходили замуж за других казачьего дома женихов. В некоторых местностях свадебная «церемония» включала осмотр рубашки, в которой молодая жена впервые принимала мужа «на брачном ложе» [5, с. 118–120]. Еще строже к целомудрию казачек относились на Юге России, особенно в на территории Терского казачества. Хотя многие исследователи утверждают, что к супружеской неверности в казачьей среде относились не так строго, как этого требовали церковь и закон. Мотивируя это тем, что мужьям иногда месяцами, а то и годами проходило жить в разлуке, что не могло сопровождаться «изменами» (применительно к казакам Урала и Сибири). Хотя представить подобное на Юге России, даже в казачьей среде практически невозможно, само отношение между мужчиной и женщиной были достаточно консервативны.

В ментальности казаков сильны консервативные моменты, так у старообрядцев (в основном уральских казаков), как правило, были большие патриархальные семьи (также сильны патриархальные обычаи у народов Юга России). Старик в доме лицо священное; воля и слово его – закон для всех. Дети отвечают лишь на запросы отца и матери. Нередко во главе таких семей оказывались женщины-

вдовы. При живом муже женщина не могла приобрести статус главы семьи. Но мужчины-казаки значительную часть времени проводили на службе (в том числе в дальних командировках, иногда затягивавшихся не на один год), на промыслах, пастбищах, в торговых поездках. Так что в реальной жизни домом и семьей, как правило, командовала женщина. В.И. Даль, создавший на основе личных наблюдений собирательный образ уральского казака-старообрядца Маркиана Подгорнова, писал, что в походах тот был «первым пещельником», «первым плясуном», не чуравшимся «трубки и табака». Дома же Маркиан старался вести себя так, чтобы не раздражать жену и других «родительниц» (родительницами он, по словам Даля, называл «весь женский пол»: жену, мать, тещу, дочерей, сестер). «Дома Подгорнов не певал отроду песни, не сказывал сказки, не плясал, не скоморошничал никогда, беса не тешил; о трубке и говорить нечего...» При этом Маркиан вовсе не считал, что старообрядец не может есть из одной чапки и пить из одного ковша с православными, и, как утверждал Даль, «не брезгал бы этим не только на походе, где все разрешается, но даже и дома». Однако жена его «была на этот счет других мыслей и старинных правил... посуды своей она «скобленому рылу» не подала бы... ни за что». «Старик в этом, – продолжал писатель, – не смел больно с нею спорить, а то бы она ему самому, как поганому, поставила щец на особицу, в черепке, как делывала каждый раз, когда муж приходил из похода, покуда не принял еще от своих очистительную молитву. Раз как-то Подгорнов поставил для дорогого гостя, которого никак не хотел обидеть, самовар и подал чайник и чашки; хозяйка не случилась на ту пору дома, за то после он насилу кое-как успокоил старуху и ухаживал за нею, и упрасивал ее долго». Считалось, однако, что настоящий казак должен был держать жену в повиновении, прибегая при необходимости и к нагайке, но это было достаточно редким явлением (здесь большое влияние оказал восточный элемент этничности со своей патриархальной системой отношений). Женщины ведали у казаков семейной казной. При этом на текущие нужды жена могла расходовать деньги и без согласования с мужем, а если муж находился в длительной командировке, она имела право самостоятельно делать и крупные покупки (в большой семье с общим хозяйством такие вопросы решались на семейном совете). Встречались семьи, в которых казак, по выражению Железнова, «ходил по ремешку» – полностью находился у жены под каблуком [5, с. 120].

Очень интересно мировоззрение казаков в отношении еды. В соответствии с конфессиональными предписаниями старообрядцы не должны были употреблять в пищу свинину, хотя возможно это связано с наличием крупных рек (Терек, Урал, Дон и т.д.) в ореоле обитания казаков и соответственно огромным количеством рыбы.

Употребляя в пищу много разнообразных фруктов, овощей, ягод, зелени, уральцы, тем не менее, сравнительно поздно – лишь к концу XIX – началу XX в. стали употреблять в пищу картофель и помидоры ввиду старообрядческого запрета на них. Раскольничья общественность боролась с «содомским яблоком», которое произошло из тела «блудницы вавилонской» вместе с табаком, чаем и «кофием». Согласно представлениям многих раскольников чай, чеснок и табак – проклятые травы, поскольку «не поклонились Господу, когда он обходил землю». Тем не менее, в начале XX в. старообрядцы начинают понемногу пить чай, но пользуются только чайником, поскольку «самовар не признавали, считали, что в нем есть что-то от дьявола». Вообще пища казаков также впитала в себя различные пристрастия народов с которыми контактировали казаки.

В менталитете казаков различных войск существуют достаточно существенные отличия. Менталитет казаков формировался в виде симбиоза различных культур через смешанные браки. На менталитет казаков Урала, Сибири и Юга России повлияла полиэтничность. Несмотря на преобладание славянского начала сильно было влияние тюркских народов и финно-угорских, а также и поликонфессиональность – на фоне преобладания православия (в виде никонианства) значительным было влияние язычества, старообрядчества, мусульманства. Но при этом говорить о самостоятельном совершенно не похожем менталитете казаков на менталитет жителей Русского государства, безусловно, было бы ошибочно. Безусловно, отличия существовали, связанные как с военным бытом, так и влиянием межэтнических отношений казаков. В то же самое время занимающиеся историей казачества не должны абсолютизировать вслед за дореволюционной казачьей историографией изображать из казаков самостоятельный этнос, не связанный с российским этносом [2], необходимо это делать более аккуратно и с большим количеством оговорок [4]. К примеру, уральское казачество имеет гораздо больше оснований претендовать на собственное отличное самосознание, однако таких попыток не предпринимало. В целом же, на наш взгляд, стоит отметить, что в казачьих сообществах наблюдаются межэтнические процессы, а внутри них этноассимиляционные процессы. Однако в то же самое время прослеживается на этнографическом материале сохранение отдельных этнических и конфессиональных групп внутри казачества, например, казаки-калмыки и казаки-«татары» (мусульмане) в Войске Донском, а также казаки-старообрядцы и сектанты в Донском, Терском, Уральском, Кубанском казачьих войсках и т.д. Одним из самых важных факторов, влиявших на мировоззрение казаков, был их военизированный образ жизни, так к примеру, добрые и заботливые казаки дома слыли отчаянными рубаками, не жалевшими на поле брани никого.

Что касается менталитета голутвенного и домовитого казачества (особенно это касается «старых» казачьих войск Уральского, Донского и Терского), то здесь приходится говорить только о возможном отличии в связи с тем, что голутвенное казачество формировалось в основном из пришлого (беглых крестьян) населения и первоначально смотрело на многие вещи с так сказать «холопской» позиции. Лишь спустя некоторое время возможно пару десятилетий (одно поколение), они усваивали, что «казачья воля и царя поболе». Атаман выбирался из простых (как правило, чаще это были представители домовитых казачьих родов) казаков на время и при первом же недовольстве казаки его могли снять (а то и «покарать») с этой должности, и он становился обычным казаком.

Примечания

¹ Золотова Т.Н. Сгинь, нечистая сила: как защищались от «злых сил» сибирские казаки // Родина. 2003. № 2.

² Кузнецов М.А. Культура донского казачества и традиции казачьего быта как условие формирования национального самосознания. Ростов н/Д, 2004.

³ Кызласов Л.Р. Хакасы и казаки (страницы истории Южной Сибири) // Вестник МГУ. Серия: история. 1994. № 5.

⁴ Маркедонов С.М. От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников "Вольноказачьего движения" // *Ab imperio*. № 3. 2001.

⁵ Миненко Н.А.. «Жена мужа бьет – не на худо учит»: Семейные традиции в уральских и сибирских станицах // Родина. 2004. № 5. С. 118–120.

⁶ Н.И. Никитин. О традициях казачьего и общинного самоуправления в России XVII в. // Известия Сибирского отделения РАН. 1992. Вып. 3. Серия: История, филология и философия. Новосибирск, 1992. С. 3–8.

*А.П. Сидорова
(Ижевск)*

Значение учреждений культуры в духовно-нравственном развитии семьи (на примере Удмуртской республики)

Для подготовки данной статьи использованы материалы международных научных конференций, опубликованных источников, периодической печати, отчеты учреждений, а также собственный опыт работы в области культуры.

Семья – как один из важнейших факторов формирования гражданского общества. По эффективности своего воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. По мнению доктора политических наук Г.И. Климантовой, – «семья – это политическая ценность», школа воспитания, передача опыта жизни, житейской мудрости, социокультурный феномен, развивающийся в тесной связи с развитием цивилизации, культуры. А сельская семья – это наши истоки. «На протяжении многих веков кре-